

УДК 81'373.4 = 161.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ТУРИСТ» В АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА В.П. АСТАФЬЕВА

И.В. Башкова

В статье предлагаются способы анализа лингвокультурного типажа как составной части авторской картины мира русской языковой личности. Особое внимание обращается на выделение семантических признаков слова, которое называет лингвокультурный типаж в языке автора. Показывается, как можно использовать опыт работы над Новым объяснительным словарем синонимов представителей Московской семантической школы в исследовании языка писателя. Рассматривается лингвокультурный типаж «турист» в дискурсе В.П. Астафьева, выявляется его связь с основными идеями авторской картины мира писателя и русской языковой картины мира. Комплексный анализ включает рассмотрение дериватов и аналогов слова «турист», синтаксических конструкций и прецедентных текстов.

Ключевые слова и фразы: лингвокультурный типаж; языковая личность; семантика; авторская картина мира; турист; В.П. Астафьев.

LINGUISTIC AND CULTURAL TYPE “TOURIST” IN THE AUTHOR’S WORDVIEW OF V.P. ASTAFIEV

I.V. Bashkova

The article suggests the ways of analyzing of linguistic and cultural type of the author's worldview of the Russian language personality. Particular attention is paid to the selection of semantic features of the word, which names the linguistic and cultural type in the language of the author. The article also demonstrates how to use the research experience of Moscow semiotic scholars, working at the New dictionary of synonyms and studying the writer's language. We consider linguistic and cultural type “tourist” in the V. Astafiev's discourse, show its connection with the basic ideas of the author's worldview of the writer and the Russian worldview. The comprehensive analysis includes consideration of derivatives and analogues of the word, syntactic constructions, and precedent texts.

Key words and phrases: linguistic and cultural type; language personality; semantics; author's worldview; tourist; V.P. Astafiev.

В настоящей статье предлагается методика исследования лингвокультурного типажа как составной части авторской картины мира через анализ семантики слова, именующего данный типаж. Рассматривается, как в значении слова **турист**, репрезентирующего соответствующий типаж в книгах: «Царь-рыба», «Последний поклон», «Затеси», – отразились особенности языковой личности большого русского писателя Виктора Петровича Астафьева и как они соотносятся с основными идеями русской языковой картины мира.

В статье под языковой личностью понимается предложенное Ю.Н. Карауловым определение: языковая личность – это «...совокупность способностей и характеристик

человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1987: 3]. В структуре языковой личности ученый выделяет три уровня: вербально-грамматический (язык «в самом себе и для себя»), когнитивный (уровень знаний о мире, или картина мира) и прагматический, отражающий позицию языковой личности в мире. Языковой личностью может стать любой носитель языка как автор языковых текстов, имеющий свой характер, интересы, социальные, психологические и языковые предпочтения и установки (см. [Караулов 1997: 672]).

К настоящему времени сложилось несколько направлений исследования языковой личности. Уже можно говорить об отдельных лингвистических школах, работающих в данной области, таких как московская, томская, барнаульская и кемеровская, волгоградская и саратовская. Библиографический список по проблемам изучения языковой личности в 2011 году включал более 2400 наименований (см. [Башкова 2011: 278–471]). Сейчас он, конечно же, увеличился.

Так как языковая личность – сложный многоаспектный феномен, то и методы её изучения различны (см. [Иванцова 2008]). Ю.Н. Караулов предложил лексикографический, словоцентрический метод исследования языковой личности, он показал, что этот метод дает возможность рассмотрения всех уровней языковой личности писателя. «Словари языка выдающихся мастеров художественного слова составляют самостоятельную отрасль мировой и отечественной лексикографии, являясь одновременно и продуктом исследовательской деятельности лингвиста на пространстве “от текста к словарю”, и аналитическим инструментом изучения особенностей художественного дискурса на пространстве “от словаря к целостному, системному описанию языка писателя”». «Героем» лексикографического представления языка писателя, естественно, оказывается отдельное слово» [Караулов 2007: 636].

Для изучения языка писателя Ю.Н. Караулов вводит понятие идиоглосса. «Термин идиоглосса является производным от понятий “идиолект” (индивидуальный язык автора), и “идиостиль” (индивидуальный авторский стиль) и несет комплексный смысл, слагающийся из того, что эти единицы, во-первых, суть отражение главных мирообразующих и миротформирующих идей автора и, во-вторых, что они служат концентрированным выражением специфики его языка и стиля. В семиотическом аспекте идиоглосса – это слово-знак, но не обычный, а знак сублимированный, знак второго порядка, поскольку его

содержанием является не только семантическая составляющая, как у обычного слова, но также мироформирующая функция строительного элемента в картине мира автора» [Караулов 2003: 111].

Анализ идиоглоссария позволяет раскрыть мир писателя как языковой личности. «Решить такую задачу означает **перешагнуть уровень языковой семантики**, подняться на ступень знаний о мире, на когнитивный уровень анализа и описания языка. А этот уровень уже может заинтересовать не только филолога – лингвиста и литературоведа, – но и философа, историка, психолога, социолога, культуролога, т. е. специалиста в области наук о человеке, исследователя, изучающего мир и ключевые точки, связывающие человека с миром» [Караулов 2007: 644].

В приведенной цитате мы хотим обратить внимание на выделенное нами словосочетание «перешагнуть уровень языковой семантики». Представляется, что этот уровень до сих пор не изучен в должной мере исследователями языковой личности, поскольку они не используют всех достижений семантики, которые проявляются в её повышенном интересе к языковой картине мира и системным явлениям в лексике. На наш взгляд, наиболее серьезными исследованиями в этой области являются работы Московской семантической школы под руководством Ю.Д. Апресяна. Подготовленный представителями этой школы Новый объяснительный словарь синонимов на материале корпуса текстов, включающего 34 000 000 словоупотреблений, является примером практического воплощения теоретических постулатов семантики.

Одним из принципов, на которых основывается Новый объяснительный словарь синонимов, – это ориентация на отражение «наивной», или языковой, картины мира. Как пишет Ю.Д. Апресян, «при описании очередного синонимического ряда мы пытаемся увидеть в нем определенный фрагмент некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку. Это особое мировидение может отличаться как от научной картины мира, так и, возможно, от способов видеть мир, присущих другим языкам. При реконструкции таких фрагментов (наивной этики, наивной анатомии, наивной психологии, наивной телеологии, наивной физики пространства и времени, наивной риторики и т. п.) используются только языковые данные. В свою очередь, реконструированные фрагменты служат теоретической основой для дальнейших лексикографических описаний» [Апресян 2003: IX].

Нам представляется, что опыт авторов «Нового объяснительного словаря синонимов» может быть весьма полезным и для исследователей русской языковой личности при описании авторской картины мира: «<...> существуют разные виды человеческого сознания:

индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание. Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания. Таким образом, следует говорить о множественности языковых картин мира: о научной языковой картине мира, о языковой картине мира национального языка, о языковой картине мира отдельного человека» [Корнилов 2003: 4].

Как отмечают представители «новомосковской школы концептуального анализа», «наличие общей для всех носителей языка картины мира не нарушает их свободу и возможность руководствоваться своей индивидуальной “картиной мира”. “Неявные” компоненты смысла могут попасть в фокус внимания носителя языка и стать объектом метаязыковой рефлексии (часто в таких случаях мы имеем дело с употреблением языковой единицы в рамках “метаязыковых” рассуждений). Кроме того, носитель языка может вообще отказаться от употребления какой-то языковой единицы или же сознательно “модифицировать” значение и употреблять ее, мысленно устранив “неявные” элементы смысла, если они соответствуют представлениям о мире, которые он не разделяет. В случаях такого рода имеет место особый “сдвинутый” режим употребления языковой единицы, и они не подрывают общего принципа, в соответствии с которым языковая концептуализация мира формируется “презумпциями”, т. е. неявными элементами смысла языковых единиц» [Шмелев 2012: 307].

Под авторской картиной мира в данной статье понимается система представлений о мире, отраженная в языке писателя. Авторская картина мира – это один из вариантов языковой картины мира.

В соответствии с антропоцентрической направленностью современной лингвистики мы рассматриваем, как представлен человек в картине мира В.П. Астафьева через анализ семантики слова. «Антропоцентрическая лексика уникальна как по разнообразию и полноте представленных в ней *лексикографических* типов, так и по своей фундаментальности. Нет никаких других концептов, которые могли бы конкурировать с антропоцентрическими в этом отношении» [Апресян 2003: XI]. Выделяя семантические примитивы – минимальные и объясняющие самое себя элементы «алфавита человеческих мыслей», А. Вежбицкая на первое место ставит «субстантивы»: я, ты, кто-то, что-то, люди (см. [Вежбицкая 1997: 331]). Отсюда можно сделать вывод о том, что существительные, обозначающие человека, репрезентируют основные идеи языковой картины мира и главные смыслы авторской картины мира.

В языке есть много слов для обозначения человека. В Русском семантическом словаре в раздел «Названия лиц» вошло 15000 единиц. Только в одном романе «Последний поклон» В.П. Астафьева насчитывается 1463 нарицательных существительных, обозначающих человека, 350 имен собственных и их вариантов, именующих персонажей, и 71 прецедентный антропоним. Существительные, относящиеся к лексико-семантическому полю «человек», после служебных слов и местоимений являются самыми частотными в художественном тексте. В романе «Последний поклон» слово **бабушка** встречается 992 раза. Но не только частотность определяет значимость слова для выражения основных идей автора. Особое место в поле антропоцентрической лексики занимают слова, называющие лингвокультурные типажи – обобщенные образы личностей, «чье поведение и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на лингвокультуру в целом и являются показателями этнического и социального своеобразия общества» [Дмитриева 2007: 3]. «Будучи абстрактным ментальным образованием, лингвокультурный типаж представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта» [Карасик 2009: 180].

В этой статье мы анализируем слово **турист**, репрезентирующее один из лингвокультурных типажей авторской картины мира В.П. Астафьева. Его частотность в произведениях писателя такова: «Царь-рыба» – 10, «Затеси» – 5, «Последний поклон» – 2, «Печальный детектив» – 2. Слово **турист** в книгах Астафьева обозначает не просто человека, а человеческий тип.

Во многом мы опираемся на толкования слов **бродяга** и **странник** в «Новом объяснительном словаре синонимов», поскольку они тоже обозначают человека в движении. Выделенные в словаре семантические признаки: денотативный статус субъекта, внутренний облик человека, наличие цели, отношение говорящего к данному человеку – оказались значимыми при характеристике **туриста**.

Словарная статья с комментариями.

ТУРИСТ 'человек, который на время покидает свой дом и переходит или переезжает из одного места в другое для того, чтобы отдохнуть и получить удовольствие от путешествия, при этом нарушает принятые в данной местности нормы поведения из-за их незнания и/или из-за высокомерного отношения к местным жителям. Существует несколько видов туристов, самый активный – это дикий турист. Дикие туристы ходят пешком в тайгу, в горы самостоятельно'.

Поскольку в текстах В.П. Астафьева говорится о таком виде туристов, как дикие туристы, но описываются не только они, в словарной статье дано указание на несколько

видов туристов. Однако другие виды туристов писатель никаким специальным словом не характеризует, поэтому в словарной статье тоже нет такой характеристики.

В авторской картине мира В.П. Астафьева в семантике слова **турист** важны следующие **смысловые признаки**: 1) денотативный статус субъекта (**родовой** или **конкретно-референтный неопределенный**); 2) характеристика места по признаку “свое/чужое” (турист, уйдя из своего дома, находится **в чужом месте** и сам становится **чужим** для жителей того места); 3) характеристика времени по длительности (турист **временно** находится в чужом месте, время его путешествия **ограничено**, как правило, оно совпадает с отпуском); 4) отношение человека к окружающему миру (для дикого туриста характерно **неуважение** местных традиций, **потребительское, варварское** отношение к природе); 5) внутренний облик человека (дикий турист – это **активный** человек, он свободен, **безрассуден**, ради получения удовольствия не считается с реальной опасностью); б) отношение к труду, трудовые навыки, способность физического выживания (акцентируется **нежелание туристов работать**, их **неумелость, неприспособленность** к жизни в тайге); 7) наличие оценки, отношение говорящего к данному человеку (преимущественно **отрицательная** оценка: говорящий **с неприязнью**, а часто **с иронией** относится к туристу).

Субъект, обозначаемый словом **турист**, в текстах Астафьева преимущественно имеет родовой денотативный статус: <...> *возят всех почетных гостей и **туристов** «угощать» великим сооружением времени – Красноярской гидроэлектростанцией* <...> (Астафьев 1997. Т. 5: 257. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием тома и страниц в круглых скобках).

Встречаются также немногочисленные примеры с конкретно-референтным неопределенным статусом: *Окурочек давний и совсем раскисший, и сигарета докурена до фильтра – бережливый, опытный **турист** был или весь издержался?* (VI, 317).

Такой денотативный статус – грамматический показатель того, что Астафьев рассматривает **туриста** как распространенный тип людей и дает его обобщающую характеристику, при этом не описывает конкретного человека.

Смысловой признак свое/чужое, свои/чужие является системообразующим в языковой и авторской картинах мира, об этом не раз писали филологи. «Это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, национального мироощущения. В том числе, конечно, и русского» [Степанов 2004: 126]. «Проблема взаимодействия разных личностных, шире –

социально-идеологических, начал, “своего” и “чужого” в слове была выдвинута в середине 30-х годов применительно к литературному тексту М.М. Бахтиным, но получила широкий резонанс в 60–70-х годах, когда были переизданы или впервые изданы его труды» [Арутюнова 1999: 668]. В авторской картине мира Астафьева этот признак особенно важен. Поведение туристов во многом определяется тем, что место, в котором они находятся, для них чужое. И сами туристы являются чужими для местных жителей: *Местные браконьеры досадовали – опять нагрянули туристы-транзисторщики, которым сделались подвластны необъятные просторы любимой Родины из конца в конец. На «просторах» они так режутся, что за ними, как после Мамаева войска – сожженные леса, загаженный берег,дохлая от взрывчатки и отравы рыба* (VI, 196).

Турист – это временная роль человека. Временно находясь на чужой земле, туристы живут по принципу: после нас хоть потоп – и не задумываются над тем, что будет с тем местом, по которому они прошли. Отсюда вытекает их варварское, потребительское отношение к природе и к вещам, которыми они пользуются: *Зимовье Аким подремонтировал в прошлый прилет, но возни с ним еще много, подопрело зимовье, давно в нем не было промысловика, а вот туристы и бродяжки всякие наведывались: скололи углы на растопку и козырек над дверью свели, истюкали топором половицы и порог* (VI, 314); *Сейчас на минжультских и манских ямах, шевелимых полной прибой, сделанного сбросом воды и сора с близкой гидроэлектростанции, вода круглый год студена, открыта, и залегает в ямы разве что дачник, спяну перепутавший поверхность воды с землей, либо бесстрашный турист, желающий освежиться после изнурительных переходов по горам, лазанья по пещерам, чужим дачам и пустым подворьям, угоревший от лесных пожаров, им же для интересу запаленных* (V, 59–60).

Туристы – это активные люди с завышенной самооценкой, в то же время они часто не имеют навыков выживания в дикой природе, не приспособлены к жизни в тайге, не умеют в ней ориентироваться и от этого даже гибнут: *«Туристы! – взвыл Аким. – Добрались, падлы! – Отрывисто, испуганно залаяла у зимовья Розка. – Заблудились, в рот им пароход!»* (VI, 317); *Оглушенный шумом и презрением местный народишко часто бывает вынужден бросать дела свои, детей и удобу, потому как дикие туристы бойки на язык, но знать мало чего знают, уметь совсем почти ничего не умеют, блудят и мрут в тайге – ищи их всем народом либо вынай из реки утопленниками* (VI, 196). В авторской картине мира Астафьева умение выжить в трудных условиях, физически трудиться для этого – важная характеристика человека.

Во всех приведенных примерах автор текста представляет туристов как чужаков с точки зрения местных жителей. В «Царь-рыбе», «Последнем поклоне», «Затесях» предложения, описывающие туристов, содержат отрицательную оценку, передают негативное, часто ироничное отношение к туристам. Заметим кстати, что отрицательная оценка отразилась в переосмыслении значения слова **турист** в арго. Вот какое толкование дается в «Словаре русского аргю» В.С. Елистратова: «**Турист** – бездельник, праздношатающийся, человек без определенных занятий. *Работаешь где-нибудь? – Не, ~. – Ага, ~, денег полный рюкзак*».

Многие примеры из Национального корпуса русского языка тоже содержат отрицательную или ироничную оценку: – *Ты сам тут-ка без году неделя. Сам **турист**... ране моря только причапал. Тебе один хрен где жить – у нас или шио где* (В. Распутин. Прощание с Матерой); *Пароходы поплывут... это когда твои пароходы поплывут, а мне как теперь здесь находиться? Я на ваших **туристов**... – Вера задохнулась* (Там же); *Ленин был изображен в знакомой позе – **туриста**, голосующего на шоссе* (С. Довлатов. Чемодан); ***Туристы** приехали отдыхать. Местком навязал им дешёвые путёвки* (С. Довлатов. Заповедник); *Где уж ей бедной зарости. Её давно вытоптали эскадроны **туристов*** (Там же); *Чрез горы и моря во все концы земли / Из Англии родной **туристов** гонит скука* (Д.С. Мережковский. Конец века).

Прецедентные тексты со словом турист. К самой большой по объему повести «Сон о белых горах» в книге «Царь-рыба» в качестве эпиграфа взяты слова ирландского писателя Уолтэра Мэкина (1915–1968): *Было время, когда **туристов** и видом не видывали и слыхом не слыхивали. Разве что приедет в кои веки раз какой-нибудь, чтоб потом книгу написать. А еще того раньше, если людям попадался **турист**, они или тут же забивали его, или требовали за него выкуп на том веском основании, что он, наверно, вражеский шпион. И, как знать, может, только так с ними и надо было обращаться* (VI, 312). Эпиграф – одна из сильных позиций текста, и включение слова **турист** в эту позицию – знак того, что оно относится к ключевым в тестах Астафьева.

Синтаксические конструкции со словом турист помогают выявить авторское отношение к типу людей, обозначенных данным словом. В трех из пяти определительных словосочетаний, встретившихся в рассматриваемых текстах, выражена ирония (они выделены жирным шрифтом): *бережливый, опытный турист, немецкие туристы, **дикие туристы, резвящиеся дикие туристы, бесстрашный турист***.

Предложения с сочинительной связью тоже являются выразительным средством предъявления авторской позиции. Писатель **сопоставляет туристов с курицами, противопоставляет их деловому народу и промысловику, соединяет с шатучими людьми, искателями приключений, угрюмыми браконьерами, бродяжками и почетными гостями, ставит в один ряд с пьяными охотниками и беглыми арестантами.**

Предложение с **сопоставительными отношениями**: *Возле него [фонтана] пурхаются курицы, туристы же думают, что это какая-то историческая загадочная реликвия, и фотографируются возле нее* (VII, 262).

Предложения с **противительными отношениями**: *На сей раз высадились на дикий берег Енисея не туристы, а деловой народ, одержимый идеей – для себя выгодно и для здоровья полезно – провести заслуженный отпуск* (VI, 196); *<...> давно в нем [в зимовье] не было промыловика, а вот туристы и бродяжки всякие наведывались <...>* (VI, 314).

Предложения с **соединительными отношениями**: *<...> туристы и бродяжки всякие наведывались <...>* (Там же). *<...> так возят всех почетных гостей и туристов <...>* (V, 257); *В обжитых и еще не тронутых наших лесах метами подобного рода пользуются и теперь лесостроители, охотники, геологи и просто шатучие люди, искатели приключений, угрюмые браконьеры и резвящиеся дикие туристы* (VII, 8).

Предложение с **разделительными отношениями**: *<...> давно кто-то из пьяных охотников, беглых арестантов или туристов оставил на бревне похабную надпись* (VI, 336).

Авторские синонимы. Окказионализм **транзисторщик** своей внутренней формой выявляет нежелание и неумение **туристов** слушать звуки природы. В следующем фрагменте варварское отношение **транзисторщиков** к природе противопоставляется бережному отношению к ней селян, бабушки и дедушки автора: *Над Большой Слизневкой, по гриве и по сопкам – сплошь горельник. Жизнь доживаю, а не бывал на Слизневской седловине, и бабушка моя, и дедушка, и все мои селяне не бывали там. Грибы-ягоды – они и внизу всегда росли. Лес на скалах не рубили. Самой природой назначено красоваться желтоталовому, жаровому сосняку со стройными стволами в синем поднебесье. Но тренированные в спортзалах, пустоглазые **транзисторщики** забрались на скалы, погуляли, повеселились и для полноты ощущений пустили по горам пал* (VI, 422–423).

Характерно, что слово **турист** – заимствованное, пришло в русский язык из французского (фр. *touriste* – Новый словарь иностранных слов, далее в этом абзаце информация о происхождении слов тоже будет взята из этого источника), и слово

транзисторщик образовано от иноязычного *транзистор* (англ. transistor). Выбрав эти слова для обозначения определенного типа людей, автор показывает их нежелание следовать русским национальным традициям. Отметим кстати, что в произведениях Астафьева иноязычные слова или их дериваты нередко выражают отрицательную оценку, она содержится в семантике самого слова или приобретает в контексте, часто ироническом. Приведем только несколько примеров с суффиксом *-ист*: *авантюрист* (от фр. aventure), *активист* (от лат. activus), *атеист* (от фр. atheisme), *капиталист* (от фр., англ. capital), *коммунист* (от фр. communisme \\\ лат. communism), *методист* (от гр. methodike), *рецидивист* (фр. recidiviste), *скандалист* (от нем. Skandal, фр. scandale \\\ лат. scandalum, греч. Σκάνδαλον – информация из словаря Даля), *фашист* (от ит. fascismo), *штабист* (от нем. Stab). Как отмечает Л.П. Крысин, «иноязычная лексика представляет собой такой лингвистический объект, в котором перекрещиваются самые различные, иногда противоречивые социальные оценки <...>» [Крысин 2008: 53]. Необходимо, однако, отметить, что не все заимствования или слова с иноязычными корнями, обозначающие человека в книгах Астафьева, отрицательно его характеризуют. Так, в словах *телефонист* и *артиллерист* отрицательной оценки нет.

Дериваты от слова турист: туристический (*туристическая путина*), **туристский** (*туристская братия, туристская жизнь, туристские панамы и трусы*). Прокомментируем только последнее словосочетание. Астафьев не описывает внешний облик **туристов** (исключением является приведенный выше пример с **транзисторщиками**, где определения *тренированные в залах, пустоглазые* в какой-то степени характеризуют внешность субъекта), писатель акцентирует внимание на их отношении к природе и людям. Но все же какое-то представление об одежде туристов дано в предложении: *На струе, на стрежи на самоллов чего только не нацепляется: тряпье, собачьи намордники, сапоги, туристские панамы и трусы* (VI, 140). Из всех деталей одежды выбираются только *панамы* и *трусы*. Сравните бунинское: *Появились туристы в панамах и белых ботинках <...>* (И.А.Бунин. Остров Капри // <http://www.ruscorpora.ru>). *Панама* у русского человека часто ассоциируется с летним отдыхом.

Аналоги лексемы турист (лексемы, которые относятся к той же части речи, что и данная, но семантически отстоят от данной лексемы дальше, чем ее синонимы, см. [Апресян 2009: 489]. **Отпускник, дачник, курортник**. Смысловые признаки данных лексем: 1) характеристика места по признаку “свое/чужое” (все эти слова у Астафьева обозначают людей, которые уходят из своего дома и находятся **в чужом месте**); 2) характеристика

времени по длительности (эти люди **временно** находятся в чужом месте); 3) отношение человека к окружающему миру (**отпускник** и **дачник** у Астафьева **не уважают** местные традиции, **потребительски**, порой **варварски** относятся к природе, **курортник** по этому признаку не маркирован); 4) внутренний облик человека (**отпускника**, **курортника** и в большинстве контекстов **дачника** объединяет общая цель – **отдых** и получение **удовольствия**, кроме того, **отпускник** и **дачник** – это **практичные**, **деловые**, **активные** люди, для которых собственная выгода стоит на первом месте, **отпускники** и **дачники** могут вести себя **агрессивно**, **курортника** же отличает **пассивность**, его целью может быть **лечение**); 5) отношение к труду, трудовые навыки, способность физического выживания (**отпускники** могут быть хорошими профессионалами, отдыхают от основной работы, но к жизни в тайге не приспособлены, **дачники** могут уметь работать на собственном дачном участке, обладают высокой способностью выживания); 6) наличие оценки, отношение говорящего к данному человеку (к **курортнику** автор относится с мягкой иронией, **отпускник** и **дачник** получают более резкую отрицательную оценку, причем **дачник** оценивается более негативно).

*И только комары – наказание человеку от природы за его блудные дела и помышления, не давали полностью отдаться природе и насладиться ею до конца. Они даже в палатку набивались, проклятые. Не раз сиибали **отпускники** палатку со стояков, норовя кулаком попасть в эту махонькую скотинку, способную довести человека до нервных припадков (VI, 200). Ощупью подбираясь, тая в глубине насмешку, считая простофилями супротивника и хитрецами себя, чушанцы и **отпускники** в конце концов уяснили, что союзно им не жить, однако пригодиться друг дружке они могут (VI, 197).*

*Деловые, лишённые жалостливых чувств **дачники**, правда, утомили здесь и горы и доли, перекопали и порубили все, что можно перекопать и изрубить, загородили плотными заборами все, что можно загородить и застроить (V, 38). Красивые берега Сылвы и Чусовой ныне захвачены **дачной публикой**. Лишь дереушку Быковку минует **дачная стихия**: в глуби лесов дереушка – к ней идти «своими ногами», тащить на себе продукты. **Дачник** же, большей частью пенсионер, не хочет ходить и таскать ничего не любит – он на то и **дачник**, чтобы отдышаться от газа и дыма, отдохнуть от города, от сумок, авосек, от очередей, от гама-содома и скоротать на лоне природы остаток лет, созерцая ее, а главным образом, потихоньку пощипывая, где меружкой опутывая, где острогой притыкая, где топориком потюкивая, где костерком припекая, где ружьшиком ушибая, –*

очень замкнутый, но деловито-ловкий смекалистый пенсионер-дачник обретается по здешним задичавшим берегам... (VIII, 59–60).

На серых, лишаями обляпанных камнях, летами нагретых жарким солнцем, возлежат парами курортник с курортничихой, поэтому мох на многих глыбах вышеркан <...> (VII, 296).

Связь слова турист с основными идеями авторской картины мира В.П. Астафьева. С помощью данного слова выражены важные для писателя идеи. Рассмотрим их на фоне следующего фрагмента из книги «Последний поклон»:

Но бабушка все, что мне казалось так мудрено, тут же объяснила житейски-просто, крестьянским опытом, древним умом и памятью ведала одну истину: все вокруг должно стоять и лежать на определенном месте – и дом, и пашня, и огороды, и лес, и горы вокруг, хозяйство и деяния человека в нем должны знать границу, должны быть очерчены жердями, заплотом, межой, дорогой, распадком, речкой, за которую не хожено и незачем ходить, стало быть, и думать, что там дальше, – незачем, всей земли не охватишь, вся она в Божовом распоряжении, только Ему и досягаемо всю ее озреть с небесной высоты: Ему и заботиться о ней, страдать большими страданиями, потому как один за всех. Человек должен трудиться и не роптать, а роптать, так про себя, помня про Божьи благодеянья, забывая обиды и все, что в его, Божьего человека, зрении и распоряжении есть до гвоздя, до щепки, до кисейной занавески на окне, должно быть известно, когда и за сколько приобретено, зачем оно тут есть и зачем будет, все должно быть поставлено в тот ряд, который и есть не что иное, как человеческая жизнь (V, 187).

Вопрос о том, как должен и как не должен жить человек – один из главных в книгах В.П. Астафьева. В данном фрагменте устами бабушки прямо дается ответ на него. Здесь представлена традиционная крестьянская точка зрения. С позиций семантики еще раз вернемся к смысловым признакам, выделенным у слова **турист**, и рассмотрим эти же признаки у слова **человек** в данном фрагменте.

1) Денотативный статус субъекта (**родовой** – здесь представлена точка зрения на то, как должен жить любой человек); 2) характеристика места по признаку “свое/чужое” (место человека должно быть **ограниченным**, человек должен жить на **своем месте**, не должен уходить из дома); 3) характеристика времени по длительности (время – **всегда**, включает **прошлое, настоящее и будущее**); 4) отношение человека к окружающему миру (человек должен хорошо знать, что его окружает, и нести **ответственность** за свое окружение); 5) внутренний облик человека (человек должен **помнить о Боге**, помнить **о благодеяниях** и

забывать обиды, не роптать); б) отношение к труду, трудовые навыки, способность физического выживания (человек должен **трудиться**, труд – это и цель жизни, и средство выживания); 7) наличие оценки, отношение говорящего к данному человеку (ярко выраженная **положительная** оценка, которая предъясняется с помощью модальности долженствования).

Сопоставление смысловых признаков слов **турист** и **человек** показывает, что в авторской картине мира Астафьева **турист** по всем параметрам отличается от крестьянского идеала человека: **турист** уходит из своего дома в чужое место, не желает и не умеет трудиться, не помнит о Боге, удовольствие для него – цель жизни, часто он варварски относится к миру, к природе, не думает о будущем.

Таким образом, слово **турист** в дискурсе В.П. Астафьева репрезентирует лингвокультурный типаж, который входит в авторскую картину мира писателя. Этот типаж соотносится с рядом русских лингвокультурных типажей, в понятийное ядро которых входят семы «перемещение» и «чужой».

Связь семантики слова с ключевыми идеями русской языковой картины мира.

«Одной из ключевых идей для русской языковой картины мира является «оппозиция «высокое – низкое» (*быт – бытие, истина – правда, долг – обязанность, добро – благо, радость – удовольствие; счастье*)» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11]. Как видим, поведение туристов, ставящих на первое место в своей жизни удовольствие, с позиций русской языковой картины мира относится к области низкого.

Выводы. Обратим внимание на метафору движения в словосочетании «перешагнуть уровень языковой семантики». Представляется, что для понимания когнитивного уровня языковой личности не перешагивание, а медленное движение с остановками по уровню языковой семантики тоже может быть продуктивным. Выделение смысловых признаков в значении слова помогает выявить семантические условия, которые позволяют автору выбрать именно эту лексему для выражения своих идей. Так, в семантике слова **турист** содержатся смысловые признаки чужого места и ограниченного времени, наличие этих признаков становится основой для формирования отрицательной оценки. В языке Астафьева к общему для всех говорящих по-русски значению лексемы **турист** добавляются семантические признаки отношения к окружающему миру, внутреннего облика человека и его отношения к труду, способности к выживанию. Семантический сдвиг в значении слова происходит благодаря ограниченному числу специфических синтаксических контекстов. В рассмотренных нами книгах: «Царь-рыба», «Последний поклон», «Затеси» – нет ни одного

примера, в которых человек, названный словом **турист**, оценивался бы положительно. Для Астафьева это слово близко к инвективе, его семантика в авторских текстах приближается к значению, представленному в «Словаре русского арго», однако не совпадает с ним.

В заключение хотелось бы отметить, что с современных житейских позиций летом человеку желательно куда-нибудь уехать, для того чтобы отдохнуть и получить новые впечатления. Ежегодно, как правило, в конце весны или в начале лета, перед сезоном отпусков в средствах массовой информации, в Интернете появляются социологические опросы о том, как россияне проводят свой отпуск. Авторы статей отмечают, что многие наши сограждане остаются дома из-за того, что у них нет денег, чтобы куда-то поехать. Журналисты часто с жалостью и сочувствием относятся к таким людям. Однако если посмотреть на ситуацию с точки зрения русской языковой картины мира в целом и индивидуальной картины мира В.П. Астафьева в частности, то получается, что ничего плохого в этом нет. Наоборот, **хорошо, что человек остается на своем месте, в своем доме.**

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. VIII–XI.
- Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
- Арутюнова Н. Д. Чужая речь: «свое» и «чужое» // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 668–686.
- Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997.
- Башкова И. В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 411 с.
- Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов / Пер. с англ. О.Н. Ляшевской // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 326–375.
- Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажии России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 24 с.
- Елистратов В. С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000. URL: <http://slovari.ru> (дата обращения: 10.02.2014).
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
- Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003. URL: <http://slovari.ru> (дата обращения: 10.02.2014).
- Иванцова Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: Филология. Томск, 2008. № 3 (4). С. 27–43.
- Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
- Караулов Ю. Н. Языковая личность // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 671–672.

Караулов Ю. Н. Мир писателя в зеркале лексической семантики (о слове ГОРЯЧИЙ у Пушкина и Достоевского) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. М., 2003. № 4. С. 110–118.

Караулов Ю. Н. От словаря языка писателя к познанию его мира // Язык как материя смысла: сб. ст. к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2007. С. 636–649.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Крысин Л. П. Оценочный компонент семантики иноязычного слова // Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. С. 52–61.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.02.2014).

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, испр. и доп. / Под общ. руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. 1488 с. URL: http://www.ruslang.ru/agens.php?id= text_noss2_title (дата обращения: 05.02.2014).

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

Шмелев А. Д. «Языковая картина мира» и «картина мира текста»: точки взаимодействия // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 306–313.

References

Apresyan Yu.D. Predisloviye [Preface]. *Novyj ob'yasnitelnyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New dictionary of Russian synonyms]. М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. Pp. VIII–XI.

Apresyan Yu.D. Issledovania po semantike i leksikografii [Researches on semantics and lexicography]. *Vol. I: Paradigmatika* [Paradigmatics]. М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2009. 568 p.

Arutyunova N.D. Chuzhaya rech: "svoyo" i "chuzhoje" [Someone else's speech: "one's" and "other's"]. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of an individual]. М.: Yazyk russkoj kul'tury Publ., 1998. Pp. 668–686.

Astafiev V.P. Sobranie sochinenij [Collected works]: In 15 vol. Krasnoyarsk: Offset Publ., 1997.

Bashkova I.V. Izuchenie yazykovoj lichnosti v sovremennoj rossijskoj lingvistike [Studying of the language personality in modern Russian linguistics]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2011. 411 p.

Vezhbickaya A. Tolkovanie emocionalnykh konceptov [Interpretation of emotional concepts]. Vezhbickaya A. *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. М.: Russian dictionaries Publ., 1997. Pp. 326–375.

Dmitriyeva O.A. Lingvokulturnye tipazi Rossii i Francii XIX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Linguo-cultural types of Russia and France in the XIX century]: PhD thesis. Volgograd, 2007. 24 p.

Yelistratov V.S. Slovar' russkogo argo [Dictionary of the Russian argot]. М.: Russian dictionaries Publ., 2000. Available at: <http://slovari.ru> (accessed 10.02.2014).

Zaloznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelyov A.D. Kluchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira [Key ideas of the Russian language world view]. М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2005. 544 p.

Zacharenko Ye.N., Komarova L.N., Nechayeva I.V. Novyj slovar' inostrannykh slov [New dictionary of foreign words]. M.: Azbukovnik Publ., 2003. Available at: <http://slovari.ru> (accessed 10.02.2014).

Ivantsova E.V. Problemy formirovaniya metodologicheskikh osnov lingvopersonologii [Problems of formation of methodological bases of a linguopersonology]. *Vestnik Tom. gos. un-ta*. Ser.: Filologia. Tomsk. 2008. № 3 (4). Pp. 27–43.

Karasik V.I. Yazykovye kluchi [Language keys]. M.; Gnosis Publ., 2009. 406 p.

Karaulov Yu.D. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian and language personality]. M.: Nauka Publ., 1987. 261 p.

Karaulov Yu.D. Yazykovaya lichnost' [Russian personality]. *Russkij yazyk. Enciklopediya [Russian Language. Encyclopedia]*. M.: Big Russian encyclopedia. Drofa Publ., 1997. Pp. 671–672.

Karaulov Yu.D. Mir pisatelya v zerkale leksicheskoy semantiki (o slove goryachiy u Pushkina i Dostoyevskogo) [The world of a writer in lexical semantics mirror (about the word “hot” at Pushkin and Dostoyevsky)]. *Vestnik Ros. un-ta Druzhby narodov*. Ser.: Lingvistika. M., 2003. № 4. Pp. 110–118.

Karaulov Yu.D. Ot slovarya yazyka pisatelya k poznaniyu yego mira [From vocabulary of a writer to writer’s world knowledge]. *Yazyk kak material smysla [Language as sense material]*. Otv. red. M.V. Lyapon. M.: Azbukovnik Publ., 2007. Pp. 636–649.

Kornilov O.A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacionalnykh mentalitetov [Language world views as derivatives of national mentalities]. M.: CheRo Publ., 2003. 349 p.

Krysin L.P. Ochenochnyj component semantiki inoyazychnogo slova [Estimated component of semantics of a foreign word]. Krysin L.P. Slovo v sovremennykh tekstach i slovaryach. Ocherki o russkoj leksike i leksikografii [The word in modern texts and dictionaries. Sketches about the Russian lexicon and a lexicography]. M.: Znak Publ., 2008. Pp. 52–61.

Nacionalnyj korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 07.02.2014).

Novyj obyasnitelnyj slovar' synonymov russkogo yazyka [New dictionary of Russian synonyms]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. 1488 p. Available at: http://www.ruslang.ru/agens.php?id= text_noss2_title (accessed 05.02.2014).

Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoj kultury [Dictionary of the Russian culture]. M.: Akademicheskij proekt Publ., 2004. 992 p.

Shmelyov A.D. “Yazykovaya kartina mira” i “kartina mira teksta”: tochki vzaimodeystviya [“Language picture of the world” and “picture of the world of a text”: interaction points]. Konstanty i peremennyye russkoj yazykovoj kartiny mira [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2012. Pp. 306–313.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Башкова Ирина Венадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: bbashkova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Bashkova Irina Venad'evna, Candidate of Philology, Associate Professor, the Associate Professor of the Department of Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: bbashkova@mail.ru